

УДК 323.212 + 323.23

И. В. Радиков

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В ПОЛИТИКЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Автор исходит из того, что участие граждан в политике в развитом демократическом обществе есть норма, легитимный способ организованного давления на политическую власть. В статье утверждается, что импульсивная политическая активность российских граждан задается гибридным уровнем политической культуры российского общества, стремлением власти к минимизации и управлению этой активностью, ограничивается низким уровнем политической институционализации, наступлением периода разочарования в демократии. Автор формулирует новые тенденции проявления гражданской активности и делает вывод, что в современных условиях представляется оптимальным смещение автономной, рациональной, самостоятельной и мобилизованной активности граждан.

Ключевые слова: активность, участие, стабильность, гражданское участие, политическое участие, политическая стабильность, политическая институционализация, протестное участие.

Одним из важнейших индикаторов демократизма политической системы является степень участия граждан в политической жизни. В обществах, преодолевающих наследие тоталитаризма, гражданское участие воспринимается как одно из направлений их развития на пути к политическому, социально-экономическому и культурному плюрализму, к самоуправлению. В противоположность мобилизованному, носящему фактически принудительный характер, участию граждан в недемократическом политическом режиме в развитом демократическом обществе оно становится нормой, инициативным и действенным способом участия граждан в принятии важнейших решений в вопросах, затрагивающих их существенные интересы и находящихся в их непосредственной компетенции. Участие граждан здесь становится всеобщим, равноправным, добровольным и свободным. Это способ реализации потребностей в самовыражении и самоутверждении. Гражданское участие способствует формированию у граждан чувства патриотизма. От уровня гражданского участия и политической активности зависит качество управления. Не случайно патриарх современной политической науки Р. Даль среди трех необходимых условий существования демократии назвал возможность граждан: 1) формулировать свои предпочтения; 2) выражать свои предпочтения согражданам и правительству посредством индивидуальных и коллективных действий; 3) иметь равное отношение к своим предпочтениям со стороны правительства, то есть отношение, исключающее дискриминацию на почве содержания или источника этих предпочтений [3, 7]. В данном контексте превращение прежде активных участников политического процесса в пассивных наблюдателей в большинстве стран Европы в последнее десятилетие свидетельствует в первую очередь о возникших проблемах с демократией.

В современной литературе термин «гражданское участие» часто встречается наряду с термином «политическое участие». Когда говорят о гражданском участии в политике, эти термины нередко отождествляют. Приведем наиболее известные их трактовки. Универсальное определение политического участия дал американский политолог Дж. Нагель. По его мнению, это действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности [17, 1–3]. Что же касается гражданского участия, то под ним, как правило, понимается один из принципов гражданского общества, построенного на началах конституционной демократии. В данном случае речь идет о конституционно зафиксированной и гарантированной правовыми институтами возможности граждан публично высказывать свою позицию, объединяться с единомышленниками для обмена мнениями, пропаганды своих взглядов, оказания организованного влияния на органы власти, выдвигать свою кандидатуру на выборах и т. п. [2, 7]. Под гражданским участием вообще понимают наименее политизированные формы политического участия граждан страны. Участие граждан в политике — это конкретное действие, предполагающее наличие реального выбора, альтернативы.

В современном обществе гражданское участие включено в систему социополитических отношений и становится легитимным способом организованного давления социальных групп на политическую элиту. Участие граждан в политическом процессе задается соответствующими государственно-правовыми институтами, нормами и процедурами, в совокупности образующими основы правового государства демократического политического режима. Идея гражданского участия основывается на конституционно закрепленном комплексном праве народа осуществлять свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления, праве каждого гражданина на участие в управлении делами государства. Однако только одним этим условием обеспечить гражданскую активность не удастся. Осознанность гражданского участия в политике, активность граждан предопределяются уровнем политической культуры, которая проявляется в устойчивых представлениях об основных сторонах политической жизни, в установках личности, политических стандартах, которых она придерживается, наконец, в навыках и умениях политической деятельности.

Исходя из концепции «гражданской компетентности» Р. Даля, участие граждан в политике можно обеспечить прежде всего минимально необходимым уровнем их знаний о сфере политики, широкой доступностью и надежностью информации через массмедиа [4]. В этой связи неготовность большинства людей к единственному гражданскому участию, их гражданская пассивность периодически актуализируют вопрос о неспособности обычных граждан участвовать в этом процессе и исключительных претензиях на него «профессиональных политиков». Представляется, что сегодня эффективность участия граждан в управлении общественными и государственными делами индуцируется их способностью влиять на процесс принятия и реализации политических и государственных решений, вносить политически обоснованные, конструктивные, правовые

предложения и требования, выражающие интересы тех или иных социальных групп.

Степень реальности политического влияния граждан на принятие политических решений зависит от широты охвата и величины представленных в их требованиях интересов социальных групп. Действенность влияния тех или иных форм гражданского участия в политике обусловлена степенью социальной и политической однородности участников, схожим пониманием не только стоящей перед гражданами проблемы, но и путей ее решения, общей идеологической направленностью, соответствием риторики лидеров мотивам и политическим установкам участников акций. Когда мы говорим о гражданском участии в политике, то имеем в виду не управление обществом или государством вообще, а лишь вполне конкретную включенность граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов, контроль за их исполнением [14, 170–176].

Для более полного понимания проблемы гражданского участия россиян в политике воспользуемся известными размышлениями Р. Инглхарта о ценностных и демократических изменениях, которые происходят в период модернизации и постмодернизации [6, 7, 6–33]. Но, в отличие от Р. Инглхарта, который писал о различии поколений людей, выросших в традиционном, переходящем к индустриализации и индустриальному обществах, скажем о несходстве поколений российских граждан, выросших в обществе, переходящем к индустриализации, в индустриальном обществе и сегодняшнем обществе, застрявшем на пути перехода к постиндустриальному. Поколение российских граждан, выросшее в период перехода к индустриальному обществу, где в силу объективных причин проблематичным было получение основных жизненных благ — жилья, пищи, характеризовалось доминантой ценности выживания. Ценности стабильности, выживания, защиты для большинства граждан были важнее гражданских прав и свобод.

Одним из основных отличий индустриального общества от традиционного стал высокий уровень вовлеченности граждан в политику. Заметим, что в этот период приоритетной задачей государства стало обеспечение внешней безопасности, что требовало колоссальных затрат. Тем не менее целенаправленный идеологический пресс формировал у граждан чувство веры в лучшую жизнь. Это поколение людей высоко ценило рациональность, авторитет, порядок, безопасность. Традиционная форма общины, несмотря на произошедшие в стране изменения, была сохранена, коллективизм утвердился в качестве одного из принципов марксистско-ленинской идеологии. Одной из важнейших ценностей в это время являлась ценность труда. Нетрудовой человек, как носитель синдрома паразитизма, представлял не опасность, а угрозу всей общественно-политической системе. Не случайно побуждение и, при необходимости, принуждение к труду составляло одну из главных задач государственной власти. Ценностным интегратором поколения людей периода перехода к индустриализму и первых лет индустриального общества была идея строительства развитого социализма. Поколение детей этих людей, выросших в условиях индустриального общества, воспринимало наличие жилья, пищи, других основных благ уже как

само собой разумеющееся. В этот период происходит быстрый рост и развитие общего и специального образования, науки, культуры, качества жизни, существенная часть населения переместилась в город. Важнейшими ценностями в этом обществе были признаны трудолюбие, честность и порядочность, образование, здоровье, способность и готовность к инновациям.

В советские годы законом социального прогресса считалась установка на то, что каждое новое поколение советских людей должно было подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры, профессиональной квалификации и гражданской активности [8, 16]. Гражданская активность данного периода — это активность советского среднего класса, прежде всего научных работников и инженеров передовых отраслей промышленности. Вместе с тем в большинстве своем принудительный, идеологически мотивированный характер политического участия граждан означал наличие формальной общественно-политической активности граждан страны, что в конечном итоге готовило почву для роста политической и социальной апатии, политico-идеологического нигилизма в общественном сознании, для усиления критических настроений. Если в советское время граждане участвовали в политической жизни, разделяя (в той или иной степени) официальную советскую идеологию, и это обеспечивало идентификацию личных политических ценностей с официальными политическими ценностями государства, то отказ от государственной идеологии, ее запрет в постсоветское время, исчезновение старого среднего класса или его деморализация, отсутствие хоть какой-либо внятной работы по формированию новой демократической культуры общества привели к появлению в обществе групп, придерживающихся самых разных личных и политических установок. Иногда эти установки становились враждебными по отношению к российскому государству.

Переход индустриального общества в России на стадию постиндустриального сопровождается существенными проблемами. Если наиболее развитые страны начали последовательный переход к формированию такого общества и знания в них становятся полноценным товаром и постепенно превращаются в стратегический ресурс, то Россия, напротив, в своем развитии фактически остановилась и даже допустила реверсивное движение. Актуальная проблема страны заключается в том, что индустриальное общество с его ценностными основаниями претерпевает сущностную трансформацию, отечественная экономика все менее конкурентна на глобальном рынке [9, 45]. Для перехода к постиндустриальной экономической системе в России не были выполнены три минимальных условия: не был обеспечен рост благосостояния и высокий уровень жизни; не развивались новые производственные формы, требующие усвоения все большего количества информации, вызывающего настоятельную потребность в постоянном повышении образовательного уровня и накопления новых знаний; наконец, обладание информацией и способность продуцирования новых знаний не стали важным источником социального признания [5, 326]. В этой связи добавим, что не следует ожидать значительных различий в ценностях разных поколений в обществах, где за последние годы не произошло резкого повышения уровня жизненной защищенности людей [6, 147].

После распада СССР начался долгий и мучительный период агонии Советского государства. Конституционное закрепление того, что Россия становится демократическим, федеративным, правовым государством с республиканской формой правления, а человек, его права и свободы являются высшей ценностью, вовсе не означало, что принципиально изменилось место российского человека в новой политической системе. Сегодня понятно, что массовые представления российских граждан и политической элиты о демократии, путях ее укоренения были крайне поверхностными, идеалистичными и, отражая преобладающую в обществе патриархально-подданническую политическую культуру, ориентировались не столько на инициативные самостоятельные действия, сколько на доброго и умного «царя». Расчет политического руководства страны на «бесшумную революцию» (по Р. Инглхарту), в результате которой господствовавшие прежде ценности материализма будут постепенно вытесняться ценностями постматериализма, привел к довольно парадоксальным результатам. Из значительного числа сфер социальной жизни вообще ушли понятия, на основании которых слова и действия того или иного человека подлежали морально-нравственной оценке, а в конечном итоге определяли государственную устойчивость. Так, из сознания россиян фактически вытравлено через массовую культуру чувство стыда и совести, их нет среди воспитательных ценностных ориентиров российской школы. «Освобожденный» российский индивидуум выстроил собственное видение различий добра и зла, меняя зачастую положительный и отрицательный знаки этических полюсов [1, 185].

В противовес важнейшей и традиционной для России нестяжательской скрепе значительную часть российского общества поразил синдром наживы, став важнейшим фактором социальной и психологической напряженности. Кардинальным образом изменилось отношение к труду как к фактору жизнеспособности государства. Формируется культ быстрого, нетрудового, авантюрного обогащения. В противовес традиционному ценностному пониманию труда в сознание россиян проникли новые этические максимы: «все и сразу», «прибыль — вне производства, богатство — вне прилежания и усердия». Фактически девальвирован добросовестный, честный, социально значимый труд как высшая ценность общества. Из сознания российского народа исчезло чувство патриотизма, важнейшей компоненты традиционного сознания, обеспечивающей духовную связь с прошлым, с местом, где человек проживает. Заимствованные на Западе новые ценности индивидуализма и рационализма, при помощи СМИ массированно внедряемые в общественное сознание, привели к снижению роли среди ценностей человеческой жизни ценности семьи и любви. Имеет место трансформация семьи: падение популярности зарегистрированного брака, вхождение в моду гражданского брака, увеличение количества неполных семей и числа внебрачных детей, легкость разводов и повторного вступления в брак, что фактически уменьшает основания для укрепления государства. Все это в совокупности действует разворачивающе, подрывая цивилизованные формы поведения человека в обществе, всю его цивилизованную инфраструктуру.

Такого рода общества, где нет ничего прочного, каждый снедаем страхом падения или жаждой взлета, охарактеризовал еще А. де Токвиль: «...поскольку

деньги здесь стали мерой достоинства всех людей и одновременно обрели необычайную мобильность, беспрестанно переходя из рук в руки, изменяя условия жизни, то поднимая до общественных высот, то повергая в нищету целые семейства, поскольку не существует практически ни одного человека, который не был бы принужден путем постоянных и длительных усилий добывать и сохранять деньги. Таким образом, желание обогатиться любой ценой, вкус к деловым операциям, стремление к получению барыша, беспрестанская погоня за благополучием и наслаждением являются здесь самыми обычными страстями. Они с легкостью распространяются во всех классах, проникая даже в те сферы, которым были ранее совершенно чужды, и, если их ничто не остановит, в скромом времени могут привести к полной деградации всей нации» [12, 7].

Тем не менее у социальных групп, сформировавшихся в новых экономических условиях, начинает возникать чувство своей особости. Такое нетривиальное социальное лицо появляется прежде всего у нового среднего класса в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых других крупных городах. Большинство этого класса составляет молодежь, не связанная с советскими реалиями и традициями. Что касается других городов страны, то, несмотря на разрушение традиционного советского среднего класса и преодоление «советского духа», социальная структура здесь практически сохранена. Именно здесь видится одна из причин разной активности граждан в регионах России.

Наконец, добавим, что идея гражданского участия в политике практически всегда встречает сопротивление со стороны самой власти. Степень этого сопротивления отражает степень развитости демократии: чем более развита демократия, чем больше граждане готовы и мотивированы к гражданскому участию, тем меньше это сопротивление власти; и, наоборот, меньшая укорененность демократического порядка, политическая пассивность граждан сопровождается упорным сопротивлением власти эпизодическим попыткам гражданского участия. Как правило, ограничение активности граждан власть пытается объяснить соображениями стабильности. Особенно отчетливо это проявляется в государствах переходного периода от авторитаризма к демократии. Эту закономерность подметил С. Хантингтон, утверждавший, что обеспечение стабильности в условиях модернизирующегося авторитаризма требует ограничения роли политической активности масс, поскольку в противном случае подрывается надежность институтов.

По гипотезе С. Хантингтона, социальная мобилизация оказывает больший дестабилизационный эффект, чем экономическое развитие. Урбанизация, грамотность, образование, средства массовой информации — все это подвергает традиционного человека воздействию новых форм жизни, новых возможностей удовлетворения потребностей. Этот опыт разрушает познавательные и установочные барьеры традиционной культуры и рождает новые уровни стремлений и желаний. Однако способность переходного общества удовлетворять эти новые ожидания увеличивается много медленнее, чем сами стремления. Отсюда — разрыв между стремлениями и ожиданиями, между формированием желаний и их удовлетворением или между функцией стремлений и функцией уровня жизни. Этот разрыв, по его мнению, порождает социальные фрустрации и

неудовлетворенность, а его величина может служить показателем политической нестабильности [13, 70–75].

Степень гражданской и политической активности в значительной степени определяется уровнем политической институционализации. Современные политические системы различаются уровнями политической активности населения и политической институционализации: у одних политических систем уровень политической активности населения выше, чем уровень политической институционализации, у других же уровень институционализации выше, чем уровень активности. В политических системах с низким уровнем институционализации и высоким уровнем активности общественные силы действуют непосредственно в политической сфере, пользуясь собственными методами. Стабильность в этих системах обратно пропорциональна политическому участию. В политических системах с высоким уровнем институционализации стабильность гражданского общества прямо пропорциональна масштабам участия населения в политике [Там же, 96].

Таким образом, исходя из рассуждений С. Хантингтона, отметим, что условиями гражданского участия в политике, не подрывающими стабильность политической системы, являются высокая степень институционализации, позволяющая гражданам участвовать в политике в рамках норм, процедур и законов; низкая степень социальной фruстрации масс; интенсивная вертикальная и горизонтальная мобильность.

Связанный со сменой поколений сдвиг в сторону постматериалистических ценностей чреват важными последствиями с точки зрения ожидаемых в ближайшие десятилетия изменений в политической сфере: он представляет собой один из элементов общего культурного сдвига, постоянно усиливающего в обществе требования демократизации (там, где демократии не существует) или большей «отзывчивости» демократических институтов (там, где они уже созданы) [6, 158].

Политическая и гражданская активность пробуждается к жизни социальной моделью общества. В современном мире существуют две основные социальные модели: открытого и ограниченного доступа. Модель открытого доступа характеризуется: «1) политическим и экономическим развитием; 2) экономикой, которая меньше страдает от отрицательного роста; 3) сильным и динамичным гражданским обществом с большим количеством организаций; 4) более крупными и более децентрализованными правительствами; 5) широким распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство. В свою очередь, модель ограниченного доступа квалифицируется: 1) медленно растущими экономическими, чувствительными к потрясениям; 2) политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан; 3) относительно небольшим числом организаций; 4) менее крупными и более централизованными правительствами; 5) господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенное представление о том, что не все люди были созданы равными» [10, 53–54].

С учетом высказанных выше соображений охарактеризуем уровень и сформулируем новые тенденции гражданской активности россиян. Два прошедших десятилетия трансформации советского политического режима оказались явно недостаточным сроком для формирования новой политической культуры, отличающейся от авторитарного прошлого. Проводимые в постсоветский период изменения в обществе и государстве в направлении демократии привели, к сожалению, к явно не ожидаемым результатам: потенциал российского гражданского общества в модернизационных проектах практически не используется, в обществе наступил период «разочарования в демократии». Появление и существование этого исторического этапа обусловлено целым рядом объективных и субъективных обстоятельств.

Во-первых, если на протяжении последнего десятилетия в общественное сознание внедрялась идея достигнутой стабильности и наметившейся тенденции к улучшению во всех сферах жизни общества, то в настоящее время преобладающим становится мнение о затухании российской экономики [12], деградации ее структуры, хроническом неисполнении принимаемых в стране решений, иррациональном стремлении руководства к постоянному изменению «правил игры» на фоне массового присвоения бюджетных средств и попыток замаскировать отсутствие реальных дел политической демагогией, а также о превращении государственного аппарата в корпорацию, преимущественно ориентированную на реализацию собственных интересов.

Во-вторых, если прежде конформизм, как податливость людей реальному или воображаемому давлению, молчаливое согласие большинства с деятельностью власти, проявлялся в склонности избегать самостоятельных решений, в пассивной, приспособленческой ориентации на восприятие готовых решений, стандартов поведения и оценок и, расширяя пассивную базу поддержки, работал в пользу властей, обеспечивая политическую стабильность, равновесие на базе статус-кво, то в сегодняшних условиях новым политическим мейнстримом становится массовое неодобрение власти, а выражение политической лояльности власти уже начинает позиционироваться как дурной тон. Пример тому — Чулпан Хаматова, подвергнутая обструкции за заявление в поддержку предвыборной кампании В. Путина. Ее видеообращение в поддержку В. Путина буквально взорвало Интернет. Ни один подобный ролик не вызывал такого общественного резонанса. И, напротив, писатель Михаил Шишкин, проживающий с 90-х гг. в Цюрихе, ранее безукоризненно лояльный к власти, отказавшийся по политическим причинам («чтобы не иметь общего с государством, представляющим собой “воровскую пирамиду”, возвращающую в Средние века») представлять Россию на американской книжной ярмарке BookExpoAmerica 2013, вознесен за этот демарш на щит в социальной сети. Критическое отношение к власти постепенно становится нормой политического поведения. Власть часто воспринимается как зло.

В-третьих, в условиях падающего доверия к власти в связи с девальвацией слов и идей, выдвигаемых правящей партией и нынешними политическими лидерами, они все больше становятся предметом всеобщей критики, сарказма и колкостей. Увеличилось количество карикатур на бюрократию, чиновников,

множатся анекдоты о правящей партии. Адресность этих насмешек в последнее время сфокусирована не на отдельных ее представителях, а уже на всей власти. Это свидетельствует о том, что легитимность власти действительно резко снижается. Особенностью сегодняшнего дня является то, что уровень взаимного доверия в обществе значительно выше, чем доверие к власти. В этих обстоятельствах право на выдвижение популярных идей, расширяющих потенциал гражданского участия, постепенно будет переходить к новым политическим лидерам и оппозиционным движениям. Появление таких идей может приводить к полной дискредитации прежнего политического контента, исходившего от властей в период популярности. Будучи не в состоянии самостоятельно обновлять этот контент, власти будут вынуждены заимствовать его у оппозиции. В конечном счете это способствует росту авторитета и влияния их политических оппонентов.

В-четвертых, деморализация значительной части общества, разрушение традиционных социальных страт, социальная растерянность подавляющей части населения, разрыв социальных связей привели к беспрецедентной атомизации российского общества. Эта тенденция влечет за собой разрушение общества как комплекса неформализованных социальных связей, основанных на взаимопомощи, подрывает чувство солидарности.

В-пятых, продолжающиеся более двух десятилетий реформы политической жизни не только изменили содержание уже известных форм политической активности, но и инициировали появление новых. Наиболее распространенная, основная, а часто и единственная форма массового участия граждан в политике — это участие в избирательных кампаниях и выборах. Подчеркнем здесь, что наличие института выборов и участия в них граждан вовсе не является признаком развитости демократии, и согласимся с позицией, изложенной в цитированной уже книге «Насилие и социальные порядки». Ее авторы утверждают: «Выборы не приводят к неизбежному созданию демократии. Выборы требуют наличия институтов и организаций, а также убеждений и норм до того, как они создадут порядок открытого доступа с демократической конкуренцией за политическую власть». И далее: «Подобная точка зрения противоречит наиболее распространенному подходу в литературе о демократии, в соответствии с которым страна считается демократической, если в ней существуют выборы и прошла хотя бы одна смена власти» [11, 59]. Механизм выборов уже не обеспечивает эффективного диалога с населением и формулирования политических платформ, позволяющих восполнить ресурс доверия. Таким образом, поле участия граждан в политике сужается, им фактически остается лишь возможность проявления внеполитической активности, которая преподносится как развитие гражданского общества. В отличие от советского прошлого такое участие не может исчерпываться лишь периодическим посещением избирательных участков.

Кроме выборов, к формам непосредственного участия граждан России в осуществлении государственной власти относятся референдум, публичные слушания, гражданские инициативы. Референдумы проводятся для решения наиболее важных вопросов жизни; решения, принимаемые на них, являются общеобязательными и не нуждаются в дополнительном утверждении. Публичные слушания организуются по вопросам, представляющим обществен-

ный интерес. Они помогают выявить общественное мнение по проектам принимаемых решений (правовых актов) и служат цели выработки предложений и рекомендаций граждан. Вместе с тем, в силу частой нерепрезентативности выборки жителей, мнение подобранных жителей может использоваться для продавливания «нужных» решений. Под гражданской инициативой понимается право гражданина на обращение к депутату с предложениями о принятии или изменении закона.

В-шестых, очевидно, что наиболее широкое участие граждан в политике должно быть на местном уровне. Главный постулат Европейской хартии о местном самоуправлении гласит, что местные сообщества являются одной из главных основ любого демократического строя. Это первичная школа приобщения к общим делам и, что особенно важно, резерв государственных политиков и чиновников. Вместе с тем, в силу реального огосударствления местного самоуправления, этот институт, в отличие от развитых демократий, в России развит очень слабо, это не только ограничивает потенциал населения, его возможности принимать непосредственное участие в обсуждении совместных дел, формирует иждивенческие настроения, но и ослабляет потенциал самого государства. Не развивая практику самоорганизации населения, Россия и впредь будет испытывать кадровый голод. Иными словами, потенциал населения страны может быть использован в ее решительном преобразовании лишь через развитие местного самоуправления. Муниципалитет — место, где может реально осуществляться партнерство власти и граждан. Это партнерство затрудняется тем, что, по официальным данным Министерства финансов РФ, 96 % муниципальных образований страны не в состоянии собственными доходами обеспечить те расходы, которые вытекают из полномочий, возложенных на них законодательством. Успешное развитие и функционирование ряда муниципальных образований в России лишь подчеркивают характерную для страны слабость политических институтов и большую роль личности.

В-седьмых, наиболее часто обсуждаемой в стране и достаточно эффективной формой гражданского участия является протестное движение. Протест в современной России — это не просто массовое несогласие и неприемлемость народа существующего политического режима. Это не бунт, тем более «бессмыслицкий и беспощадный». Современный протест характеризует постепенный переход страны на новый этап развития с непривычным уровнем гражданской зрелости и готовностью правящих кругов не просто выслушивать, но и учитывать требования общества. Протест — это резкое несогласие народа с недемократическими методами властвования и реакция на ущемление его гражданских прав и свобод. Люди сегодня уже не хотят быть просто исполнителем чьей-то воли, просто орудием в руках лидеров. Протест становится не просто способом давления на государственную власть, но и способом гражданского самоутверждения.

Протестное движение последних лет продемонстрировало новые формы гражданской самоорганизации. Среди них:

- автомобильные акции протеста (например, автопробег под названием «Белое кольцо» с участием более 3 тыс. автомобилей);

— бессрочные лагеря оппозиции (например, в Москве — «Оккупай Арбат» у памятника Б. Окуджаве, «Оккупай Абай» на Чистых прудах у памятника казахскому поэту Абаю Кунанбаеву);

— всероссийские акции протеста (против официальных итогов выборов в Госдуму, коррупции, роста коммунальных платежей, коммерциализации социальной сферы и др.);

— «контрольные прогулки» (чтобы проверить, соблюдают ли власти право людей на свободу собраний);

— лагеря протестного движения в регионах страны (Новосибирск, Нижегородская область, Карелия, Волгоград);

— митинги, шествия и марши свободы;

— одиночные пикеты;

— сетевые движения.

Следует обратить внимание на то, что протесты граждан с конкретным наличием политических требований стали широко освещаться в центральных СМИ лишь тогда, когда их эпицентр обозначился в Москве. Но это вовсе не означает, что протест как форма гражданской активности характерен только для нового слоя, «креативного» московского класса. Региональные события, особенно протестной направленности, как правило, «не замечаются» ни Центром, ни центральными средствами массовой информации, ни исследователями. Но если проанализировать более тщательно последнее десятилетие, то увидим, что в той или иной форме граждане и ранее стремились к демонстрации своего мнения на всей территории страны. Журнал «Эксперт Сибирь» [15] замечает, что в Сибири протест был выражен наиболее ярко. Наиболее известны массовые протесты шахтеров в Кузбассе в начале 1990-х гг.; протесты 2005 г., когдаказалось, что разъяренные «монетизацией льгот» пенсионеры не ограничиваются перекрытием дорог, а пойдут свергать правительство; протесты против строительства нефтепровода вдоль Байкала в 2006 г., введения запрета на праворульные машины, точечной застройки. Позже к ним добавились протесты против работы БЦБК. Зафиксируем также и то, что именно в этих районах, где политический протест граждан центральной властью был фактически проигнорирован, результаты выборов для партии власти «Единой России» были самыми низкими.

Игнорирование требований и мнения граждан превратилось в итоге в политическое протестное голосование. В условиях ограниченной демократии и развивающейся гражданской апатии побуждающим мотивом становится мода на гражданскую активность, особенно протестной направленности и особенно среди молодежи. Участие в таких действиях дает возможность для обычного человека, недовольного положением дел и, как следствие, властью, почувствовать себя частью большой, мощной народной массы, формирует чувство групповой солидарности. Говорить о политике и участвовать в митингах против «отсталого» и «совкового» Кремля становится «стильно, модно, молодежно» среди российских хипстеров.

В-восьмых, особенностью последних лет является усиление виртуального общения в организации гражданской активности. Интернет в целом и соци-

альные сети, в частности, оказывают существенное влияние на политический процесс. Социальные сети становятся важным каналом проявления гражданской позиции. Сети – открыты, каждый имеет доступ к информации в любое время и каждый может быть связан с каждым, они разрознены, не имеют единого центра и жесткой структуры, не локализуемы и часто анонимны. Именно здесь проявляются креативность и проектное мышление, поскольку у каждого участника есть не только право, но и техническая возможность представлять свои личные интересы и взгляды, без посредников участвовать в процессе принятия решений. Социальные сети становятся главным средством информации, особенно для молодежи, городского среднего класса, сетевые ресурсы превращаются в мультиплекторы недовольства.

«Живой журнал», первая массовая сеть российских блогов начала 2000-х гг., положила начало новому качеству российской политической среды, американский Facebook и его российский аналог «В контакте», а также Twitter стали не только сетью для друзей, но и площадкой для дискуссий, в том числе и политических, выступая не только коллективным каналом организации общественных интересов, но и средством пропаганды.

К условиям формирования сетевого движения отнесем наличие объединяющей идеи, общее коммуникативное пространство, равенство и связанность участников. Примером служит «Товарищество Инициативных Граждан России (ТИГР)», возникшее в 2008 г. в Приморье на волне возмущения постановлением правительства о повышении пошлин на ввозимые иномарки. Первоначально это было объединение участников автофорумов в Интернете, которое стало инициатором и организатором нескольких акций протesta с экономическими требованиями. После жесткого разгона одной из таких акций специально при slанным московским спецотрядом МВД движение выдвинуло уже политические лозунги и потребовало отставки правительства, стало выражать весь спектр протестных требований среднего класса. Локально возникшее протестное движение одного региона превратилось в сетевое объединение, в котором представлены различные общественные группы и организации.

Новой современной формой гражданской самоорганизации при помощи сети является флэшмоб¹. Это заранее спланированная массовая акция, в которой большая группа людей появляется в общественном месте, быстро выполняет одновременно некие «замысловатые» действия и затем расходится, т. е. это кратковременная, неустойчивая форма коллективной деятельности. Цель такой акции – демонстрация действия, символизирующего общность, стимулирование у окружающих желания присоединиться, пусть хотя бы и мысленно. Участники (моббераы) организуются на основе обозначенной цели и разработанной лидерами и помещенной на сайте инструкции. Сценарий флэшмоба носит абсурдный характер, а действия мобберов не поддаются логическому объяснению.

¹ От нем. *der Mob* – сброд, чернь, подонки. Вместе с тем современная история знает примеры высокой эффективности таких действий. 20 января 2011 г. президент Филиппин Д. Эстрада стал первым в истории главой государства, потерявшим власть из-за действий «умной толпы» (категория смарт-моб приведена в работе [11]).

Участники флэшмоба незнакомы, во время акции не показывают, что их что-то связывает, поэтому действие кажется спонтанным.

Разновидностью флэшмобов являются политмобы [16, 24–31] — акции с социальной или политической направленностью. Примером такого действия в Интернете была кампания, связанная с Лукойлом, когда блогеры, размещая у себя аватар протестного содержания, протестовали против безнаказанности менеджера этой кампании, устроившего аварию. Примером использования данной формы для поддержки партии власти можно назвать флэшмоб «Единая Россия», организованный в Нижнем Новгороде 3 октября 2011 г. По замыслу организаторов группы молодежи и жителей города, люди одетые в национальные костюмы, должны были с разных сторон пропастьствовать к площади перед театром драмы. Участники движения должны были оставить на большом баннере отпечатки своих рук, окрашенных во все цвета радуги. Эта акция должна была символизировать единство межнациональной коммуникации. Мероприятие было проведено, но в Интернете не вызвало никакой реакции, не было замечено.

Отметим также и то, что протестные движения не только аморфны по своей структуре, но неустойчивы и недолговременны. Причины их появления мы уже рассмотрели, а причинами затухания этих протестных движений могут быть:

- выполнение требований, выдвигаемых в той или иной форме протеста;
- низкая эффективность и результивность политических протестов;
- устаревание выдвигаемых лозунгов;
- ужесточение действий власти по ограничению протестной активности (например, принятие законов типа Закона о митингах, возвращение в Уголовный кодекс статьи о клевете, ограничение помощи заграничных спонсоров российским правозащитникам, секвестр сетевой вседозволенности);
- социально-политическая неоднородность участников протестных движений в России, соединивших в себе практически всех недовольных нынешним политическим режимом: сторонников либеральных реформ, раздосадованных их непоследовательностью; адептов «левых» взглядов, требующих вовсе прекратить реформы; приверженцев национализма, нацеленных на иммиграционный железный занавес по национальному признаку и этническую чистку. Возможность временного объединения такого разношерстного состава людей была определена на первых порах одним — несогласием с нынешним политическим курсом. Но на одном лишь несогласии, без конструктивно привлекающих массы идей, протестный потенциал общества выдыхается.

Резюмируя отмеченное выше, скажем, что участие граждан в политике в современной России, особенно на региональном уровне, носит неотчетливый, неструктурированный характер. Отчуждение общества и государства становится все ощущимее. Игнорируя необходимость диалога, власть своими же действиями превращает протестующих в системную оппозицию.

Особо выделим еще одну очень важную причину, ограничивающую протестную активность: ориентацию большинства российских граждан на мирные способы решения проблем в силу «исчерпания лимита на революционные действия».

Отметим, что импульсивность механизмов массовой политической мобилизации влечет за собой чередование периодов политической активности: вслед за ее всплеском, как правило, наступает, период индифферентности и инертности. Неразвитость институтов политического участия негативно влияет на процесс демократизации политической и общественной жизни в России, обуславливает противоречивость и непоследовательность данного процесса. В этих условиях Россию ждут либо «шаткая стабильность», либо «конец спокойного бездействия». Тем не менее мы можем совершенно обоснованно сказать, что население последовательно и все решительнее прощается с жестким патернализмом и действительно становится народом.

Формирование общества, не пораженного пассивностью, не растленного цинизмом двойной морали, не рвущегося на баррикады, но требующего партнерских отношений с властью, — дело сравнительно долгое. Но процесс пошел. Оптимальным в современных условиях представляется синкретический тип участия в политике, означающий смешение автономной, рациональной, самостоятельной и мобилизованной активности граждан.

-
1. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства. М., 2012.
 2. Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. М., 1997.
 3. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция : пер. с англ. М., 2010.
 4. Даль Р. Проблемы гражданской компетентности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politnauka.org/library/teoria/dahl.php> (дата обращения: 25.03.2013).
 5. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998.
 6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.
 7. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис (Политические исследования). 1997. № 4.
 8. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 апреля 1984 г. М., 1984.
 9. Мартынов В. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная альтернатива? // Логос. 2008. № 1(64).
 10. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества : пер. с англ. М., 2011.
 11. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006.
 12. Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1997.
 13. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
 14. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. 1999. № 5.
 15. Чернышов С. Протест умер, да здравствует протест // Эксперт Сибирь. 2013. № 5. 4 февр.
 16. Федорченко С. Н. Политический флэшмоб — предвестник нового общества? // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2001. Т. 4, № 6 (20).
 17. Nagel J. N. Participation. N. Y., 1976.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2013 г.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>